

Марина Тишанская

Байки Лопатина

Марина Антоновна Тишанская

Байки Лопатина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70060120

SelfPub; 2023

Аннотация

На краю старого космодрома, на который прибывают теперь только каботажные суда, у самой реки стоит небольшой пластиковый павильон, носящий гордое название ресторана. По правде говоря, Космический волк – так называется это заведение, на уровень ресторана не вышел и никогда не выйдет. Так, небольшое кафе. Блюда самые простые, интерьер обычный, но зато посетители! Здесь собираются космолетчики.

Содержание

Маниока	6
Женщина на корабле	14
О незаметных людях и неделанных открытиях	22
От Земли до голубых облаков	39
Пирожок	49
Девушка с кленовыми листьями	56

Марина Тишанская

Байки Лопатина

На краю старого космодрома, на который прибывают теперь только каботажные суда, у самой реки стоит небольшой пластикатовый павильон, носящий гордое название ресторана. По правде говоря, «Космический волк» – так называется это заведение, на уровень ресторана не вышел и никогда не выйдет. Так, небольшое кафе. Блюда самые простые, интерьер обычный, но зато посетители! Здесь сабираются космолетчики. Все, кто прибыл с дальних планет, вернулся из Дальней разведки или просто пригнал на Гею грузовик, считают своим долгом посетить эту маленькую забегаловку.

«Космический волк» давно стал постоянным приютом списанных с лётной работы стариков, но и действующие космонавты заходят сюда с удовольствием. Рассказывают о полётах, шутят, угощают отставников пивом.

«Космический волк» похож на кают-компанию старого корабля. Вместо кружек здесь пьют из пластиковых поилок – непроливаек. Играет тихая музыка. Глубокие кресла, списанные и приобретённые администрацией, напоминают те, что и до сих пор встречаются в Центре управления околоземными перемещениями. Большой экран на стене транслирует карту звёздного неба с проложенным курсом корабля. По светлой полоске курса двигается яркая зелёная точка. На-

правления «полёта» и маршруты часто меняются, чтобы не наскучили посетителям. Порой новый маршрут, появившийся на карте, напоминает кому-нибудь из завсегдатаев историю, приключившуюся с ним в настоящем рейсе. Тогда космолётчик негромко, будто сам себе, начинает рассказывать свою историю, то смешную, то трагическую. Те, кто приходит сюда каждый день, знают большую их часть наизусть.

Здесь можно встретить друзей, поделиться планами на будущее и даже пополнить экипаж.

Маниока

Гаврилов томился. Душу переполняли неопределённые желания. Небо казалось серым, а солнце – тусклым, будто просвечивало через дымку. Гаврилову надо было выговориться, излить кому-то свою печаль.

Как назло, в этот час в «Космическом волке» никого из «своих» не было. Славные ребята из чужих экипажей пили минералку, играли в шашки и обсуждали практикантку из медцентра, длинноногую блондинку с голубыми глазами.

Слушать их не было сил. Изнемогая, Гаврилов поднялся, чтобы уйти, но тут дверь отворилась и в зал ввалился Лопатин. Гаврилов принялся отчаянно махать руками.

– Что, Вася, скучаешь? – спросил Лопатин, подходя к столу.

Гаврилов тяжело опустился в кресло.

– Ваня, ты настоящий друг! Если б ты не пришел, я бы, наверное, помер.

– Что с тобой приключилось? Неужели ты встретил девушку своей мечты, а она оказалась марсианкой?

– Шутишь? А мне не до шуток. Я, пожалуй, напьюсь. Официант!

К столу подошел официант, такой же пожилой, как и большинство посетителей, и, не говоря ни слова, поставил на стол поилки с минеральной водой.

– Это какая по счёту?

– Пятая.

– Гаврилов, ты лопнешь.

– Ничего, авось обойдется. Я тебе сейчас историю расскажу, только ты не смейся.

– Когда я смеялся над страданиями ближнего? Валяй, выкладывай свою историю.

– Знаешь, кто такой Плужников?

– Константин Николаевич? Кто ж его не знает? Он ещё летает?

– Летает. Недавно был в Глубокой разведке.

– Давай, рассказывай, не тяни.

– Слушай. Несколько лет тому назад Плужников по линии этой самой разведки улетел на окраину Галактики. Предполагалось, что по корабельному времени пройдёт полтора года. А на Земле – целых пять. Хоть и через гиперпространство, конечно, но подлёт – отлёт и всё такое... А здесь у него жена осталась молодая.

Вообще-то, сам знаешь, женщин в дальние рейсы не берут. Но она сумела добиться. Неизвестно, как, то ли сама, то ли муж до отлета всё устроил. Не хотела, оказывается, чтобы он вернулся молодой, а она на пять лет постарела. Вот и полетела.

– А ты откуда знаешь?

– Так я сейчас на «Огородникове» летаю. Она к нам и попала. Ваня, возьми меня обратно! Я из двигательного отсека

ни ногой! Даже на глаза тебе попадаться не буду.

– Посмотрим. Ты давай, не отвлекайся.

– Так вот. Специальность у неё врач, а по второй – контактёр. Их всегда не хватает, вот её и взяли. Между прочим, пришлось мне с ней довольно близко познакомиться. Я-то по второй специальности биолог, получилось, она по этой линии мой прямой начальник. Характерами вот только маленько не сошлись.

– Чем же она тебе не угодила? Работать заставила?

– Плужникова эта, Татьяной её зовут, заявила на корабль в день отлета минуточка в минуточку. Ну, Ваня! Видал я коров, но эта! В дверь, правда, прошла, но почти без зазора. Я-то думал, будет на борту деваха симпатичная, то да сё. В смысле, ничего такого. Просто для компании и поднятия настроения. Нам предстояло на полтора года уйти. Без женщин скучно. Только как я её увидел, глаза зажмурил. Зачем ей в полет? С её внешностью что молодая, что старая – всё одно. Ты таких сроду не видал. Прямо скажу, внешность примечательная. Толстая, это я уже говорил. Сама как бочонок, но ножки – ручки тоненькие. Волосы длинные, седые. Правда, только сзади. А спереди лысина с рубцом от химического ожога. Брови широкие и белые. А кожа – как у чемодана.

– И эту красоту она старалась для мужа сохранить?

– Выходит, так. Я тогда подумал, что ей не в рейс надо, а в клинику, на восстановление. Как раз успела бы. Потом

оказалось, что ещё и вредная баба. То ей образцы не так хранятся, то частота замеров мала... Это когда уже на планету высадились. В общем, не сошлись характерами.

Надо сказать, она с нами мало общалась. Только по работе. Сидела целыми днями в медблоке, наблюдения какие-то проводила и к контакту готовилась. Мы тогда в секторе К работали. Обследовали планеты по Большой дуге. Первые три пустые оказались, только на четвёртой обнаружилась растительность. До контактов так у нас и не дошло.

Припланетились мы на этой самой Лисице. Почему её так назвали, я только потом понял. С виду – всё нормально. Атмосфера, правда, сиреневая какая-то. Зато растительность зелёная. Не такого цвета, как у нас, но всё же. Вода пригодна для купания, хоть пить и нельзя. Солей много разных. Животных мы не нашли.

Надо тебе сказать, что к этому моменту совсем я заскучал без женского общества. И думаю: какая она не кривая да страшная, а все-таки женщина. Тоже без мужского внимания страдает. Стал за ней ухаживать.

– Добрый ты, Гаврилов. Если не в чешуе и перьях, так можно и пожалеть.

– Зря ты так. Я же ничего. Мороженое, там, фисташковое синтезировал. Оно всем девушкам нравится. Серенаду в кают-компании спел. Все дела. Даже не приставал. А она вместо благодарности... Откуда только слов таких набралась? Обидно, конечно.

– Вася, плюнь. На что она тебе сдалась? К тому же замужем.

– Ты не понимаешь. Досада меня взяла. Ну, и решил я её маленько разыграть. Ты знаешь, на камбузе всегда есть небольшой запас продуктов. Это если атомный синтезатор выйдет из строя, или для торжественных случаев. Я там курицу взял, мороженую.

– Спёр?

– Ну, спёр. Так ведь для хорошего дела. Выкрасил в зелёный цвет, голову приделал из колпачка от очистительной установки, пять глаз из стеклянных капель, да ещё ресницы длиннющие. Хорошо получилось. А внутрь курицы вставил каркас из проволоки, чтобы форму держала. И стала она у меня инопланетянином.

Посадил я её метрах в двухстах от корабля, среди растительности.

На следующий день Татьяна выпустила роботов. Автоматические анализаторы были в её ведении: пока все здоровы и контакт устанавливать не с кем, дел у неё особых не было. Конечно, биомассу сразу обнаружили. Сфотографировали, поместили в контейнер.

Татьяна переполошилась: единственное найденное на планете животное. Температура тела близка к температуре окружающей среды. В чём дело? То ли оно в принципе холоднокровное, то ли неумелыми действиями единственного представителя фауны загубили. В общем, контейнер с кури-

цей в лабораторию доставили. Прежде чем его открывать, Татьяна дистанционно провела весь комплекс анализов, чтобы не занести на борт инфекцию. Рентгенограммы в различных проекциях, голографическое изображение с моделированием кинематики движений. По полной программе.

А потом открыла контейнер. Ты бы видел её лицо, когда она мою курицу «живьём» увидела! Как вспомню, до сих пор приятно. Только она ничего не сказала, помолчала немного, видно, про себя до десяти считала, повернулась и ушла.

Народ не оценил. Все какие-то угрюмые стали. Одни считали, что Татьяна правильно взбеленилась, другие – что пошутить не грех. Со мной она, конечно, после этого разговаривать перестала. Даже замечаний не делала. Проходила мимо, будто я пустое место.

– А ты чего хотел? Медаль на грудь и пирожок с клубникой?

– Не, мы с ней потом помирились, даже подружились. Через неделю я на «весёлую капусту» облокотился. На Татьяну, кстати, загляделся. Делал что-то на поверхности, а она мимо шла.

Походка у неё была – я те дам. Как мешок с картошкой, но шустрый такой мешок. Я и загляделся. А «капуста» эта, пока свернутая, просто большой шар. Но если до неё дотронешься – вмиг разворачивается. Края у листьев острые. Хищная она. Листьями этими неосторожное животное разрезает, да так, что оно к ней в сердцевину падает, а потом переварива-

ет. Меня она, конечно, не съела. Не по зубам ей Гаврилов. Но руки чуть было не лишился. Татьяна выручила. Как за дитём малым, за мной ходила. Тут уж не до обид. Как-то так получилось, что и задираться мы перестали.

– Так ты говоришь, там животных нет?

– Это мы тогда просто не знали. На самом деле, всё, что там растёт, это что-то среднее между растением и животным. Вся их зелень ходить умеет, многие виды охотятся. Потому и планету Лисицей назвали – за хитрость и обманчивый внешний вид.

– Ну, и к чему ты это рассказал? В чем история-то?

– Подожди. Вернулись мы домой, а вскоре и Плужников прилетел. Когда мы улетали, он уже был в пространстве. Известно, у нас-то двигатели послабее и скорость пониже. Через пару месяцев встречали мы его экспедицию. Про то, что они тогда открыли, я рассказывать не буду – и так все знают. Встречу им устроили пышную, с банкетом, с трансляцией по сенсовизору. Мы все там были. Понятно, что Татьяна мужа встречала.

Вот это, скажу я вам, была встреча. Мы все заранее прилетели, вместе собрались. А Татьяна заявила минуточка в минуточку. Плужников в зал входит, а навстречу ему – женщина красоты необыкновенной. Невысокая, но стройненькая, подвижная, как оленёнок. Глаза большие, брови дугой, а волосы до самой попы, каштановые и вьются. Входит и на шею ему бросается. Мы сначала ничего не поняли, потом

только до нас дошло, что она ведь по второй профессии кон-
тактёр. Значит, должна уметь перевоплощаться, принимать,
так сказать, любой облик. Так чтобы на корабле к ней никто
не приставал, она и загримировалась немного. И полтора го-
да так ходила! Представляешь?

Вот скажи, Ваня, за что Плужникову такая жена? Что в
нём особенного, чем он лучше тебя, или, к примеру, меня?
Обидно.

– Это, Вася, называется любовь. Может, Плужников и не
лучше нас. Ты чего раскис? Вот состаришься, спишут тебя,
перейдешь с минералки на пивко и будешь зелёной молоде-
жи рассказывать, какая она бывает, любовь. А пока не гру-
сти. Знаешь, в медцентре новая практикантка, она очень да-
же ничего...

Женщина на корабле

Гаврилов томился. Душу переполняли неопределённые желания. Небо казалось серым, а солнце – тусклым, будто просвечивало через дымку. Гаврилову надо было выговориться, излить кому-то свою печаль.

Как назло, в этот час в «Космическом волке» никого из «своих» не было. Славные ребята из чужих экипажей пили минералку, играли в шашки и обсуждали практикантку из медцентра, длинноногую блондинку с голубыми глазами.

Слушать их не было сил. Изнемогая, Гаврилов поднялся, чтобы уйти, но тут дверь отворилась и в зал ввалился Лопатин. Гаврилов принялся отчаянно махать руками.

– Что, Вася, скучаешь? – спросил Лопатин, подходя к столу.

Гаврилов тяжело опустился в кресло.

– Ваня, ты настоящий друг! Если б ты не пришел, я бы, наверное, помер.

– Что с тобой приключилось? Неужели ты встретил девушку своей мечты, а она оказалась марсианкой?

– Шутишь? А мне не до шуток. Я, пожалуй, напьюсь. Официант!

К столу подошел официант, такой же пожилой, как и большинство посетителей, и, не говоря ни слова, поставил на стол поилки с минеральной водой.

– Это какая по счёту?

– Пятая.

– Гаврилов, ты лопнешь.

– Ничего, авось обойдется. Я тебе сейчас историю расскажу, только ты не смейся.

– Когда я смеялся над страданиями ближнего? Валяй, выкладывай свою историю.

– Знаешь, кто такой Плужников?

– Константин Николаевич? Кто ж его не знает? Он ещё летает?

– Летает. Недавно был в Глубокой разведке.

– Давай, рассказывай, не тяни.

– Слушай. Несколько лет тому назад Плужников по линии этой самой разведки улетел на окраину Галактики. Предполагалось, что по корабельному времени пройдёт полтора года. А на Земле – целых пять. Хоть и через гиперпространство, конечно, но подлёт – отлёт и всё такое... А здесь у него жена осталась молодая.

Вообще-то, сам знаешь, женщин в дальние рейсы не берут. Но она сумела добиться. Неизвестно, как, то ли сама, то ли муж до отлета всё устроил. Не хотела, оказывается, чтобы он вернулся молодой, а она на пять лет постарела. Вот и полетела.

– А ты откуда знаешь?

– Так я сейчас на «Огородникове» летаю. Она к нам и попала. Ваня, возьми меня обратно! Я из двигательного отсека

ни ногой! Даже на глаза тебе попадаться не буду.

– Посмотрим. Ты давай, не отвлекайся.

– Так вот. Специальность у неё врач, а по второй – контактёр. Их всегда не хватает, вот её и взяли. Между прочим, пришлось мне с ней довольно близко познакомиться. Я-то по второй специальности биолог, получилось, она по этой линии мой прямой начальник. Характерами вот только маленько не сошлись.

– Чем же она тебе не угодила? Работать заставила?

– Плужникова эта, Татьяной её зовут, заявила на корабль в день отлета минуточка в минуточку. Ну, Ваня! Видал я коров, но эта! В дверь, правда, прошла, но почти без зазора. Я-то думал, будет на борту деваха симпатичная, то да сё. В смысле, ничего такого. Просто для компании и поднятия настроения. Нам предстояло на полтора года уйти. Без женщин скучно. Только как я её увидел, глаза зажмурил. Зачем ей в полет? С её внешностью что молодая, что старая – всё одно. Ты таких сроду не видал. Прямо скажу, внешность примечательная. Толстая, это я уже говорил. Сама как бочонок, но ножки – ручки тоненькие. Волосы длинные, седые. Правда, только сзади. А спереди лысина с рубцом от химического ожога. Брови широкие и белые. А кожа – как у чемодана.

– И эту красоту она старалась для мужа сохранить?

– Выходит, так. Я тогда подумал, что ей не в рейс надо, а в клинику, на восстановление. Как раз успела бы. Потом

оказалось, что ещё и вредная баба. То ей образцы не так хранятся, то частота замеров мала... Это когда уже на планету высадились. В общем, не сошлись характерами.

Надо сказать, она с нами мало общалась. Только по работе. Сидела целыми днями в медблоке, наблюдения какие-то проводила и к контакту готовилась. Мы тогда в секторе К работали. Обследовали планеты по Большой дуге. Первые три пустые оказались, только на четвёртой обнаружилась растительность. До контактов так у нас и не дошло.

Припланетились мы на этой самой Лисице. Почему её так назвали, я только потом понял. С виду – всё нормально. Атмосфера, правда, сиреневая какая-то. Зато растительность зелёная. Не такого цвета, как у нас, но всё же. Вода пригодна для купания, хоть пить и нельзя. Солей много разных. Животных мы не нашли.

Надо тебе сказать, что к этому моменту совсем я заскучал без женского общества. И думаю: какая она не кривая да страшная, а все-таки женщина. Тоже без мужского внимания страдает. Стал за ней ухаживать.

– Добрый ты, Гаврилов. Если не в чешуе и перьях, так можно и пожалеть.

– Зря ты так. Я же ничего. Мороженое, там, фисташковое синтезировал. Оно всем девушкам нравится. Серенаду в кают-компании спел. Все дела. Даже не приставал. А она вместо благодарности... Откуда только слов таких набралась? Обидно, конечно.

– Вася, плюнь. На что она тебе сдалась? К тому же замужем.

– Ты не понимаешь. Досада меня взяла. Ну, и решил я её маленько разыграть. Ты знаешь, на камбузе всегда есть небольшой запас продуктов. Это если атомный синтезатор выйдет из строя, или для торжественных случаев. Я там курицу взял, мороженую.

– Спёр?

– Ну, спёр. Так ведь для хорошего дела. Выкрасил в зелёный цвет, голову приделал из колпачка от очистительной установки, пять глаз из стеклянных капель, да ещё ресницы длиннющие. Хорошо получилось. А внутрь курицы вставил каркас из проволоки, чтобы форму держала. И стала она у меня инопланетянином.

Посадил я её метрах в двухстах от корабля, среди растительности.

На следующий день Татьяна выпустила роботов. Автоматические анализаторы были в её ведении: пока все здоровы и контакт устанавливать не с кем, дел у неё особых не было. Конечно, биомассу сразу обнаружили. Сфотографировали, поместили в контейнер.

Татьяна переполошилась: единственное найденное на планете животное. Температура тела близка к температуре окружающей среды. В чём дело? То ли оно в принципе холоднокровное, то ли неумелыми действиями единственного представителя фауны загубили. В общем, контейнер с кури-

цей в лабораторию доставили. Прежде чем его открывать, Татьяна дистанционно провела весь комплекс анализов, чтобы не занести на борт инфекцию. Рентгенограммы в различных проекциях, голографическое изображение с моделированием кинематики движений. По полной программе.

А потом открыла контейнер. Ты бы видел её лицо, когда она мою курицу «живьём» увидела! Как вспомню, до сих пор приятно. Только она ничего не сказала, помолчала немного, видно, про себя до десяти считала, повернулась и ушла.

Народ не оценил. Все какие-то угрюмые стали. Одни считали, что Татьяна правильно взбеленилась, другие – что пошутить не грех. Со мной она, конечно, после этого разговаривать перестала. Даже замечаний не делала. Проходила мимо, будто я пустое место.

– А ты чего хотел? Медаль на грудь и пирожок с клубничкой?

– Не, мы с ней потом помирились, даже подружились. Через неделю я на «весёлую капусту» облокотился. На Татьяну, кстати, загляделся. Делал что-то на поверхности, а она мимо шла.

Походка у неё была – я те дам. Как мешок с картошкой, но шустрый такой мешок. Я и загляделся. А «капуста» эта, пока свернутая, просто большой шар. Но если до неё дотронешься – вмиг разворачивается. Края у листьев острые. Хищная она. Листьями этими неосторожное животное разрезает, да так, что оно к ней в сердцевину падает, а потом переварива-

ет. Меня она, конечно, не съела. Не по зубам ей Гаврилов. Но руки чуть было не лишился. Татьяна выручила. Как за дитём малым, за мной ходила. Тут уж не до обид. Как-то так получилось, что и задираться мы перестали.

– Так ты говоришь, там животных нет?

– Это мы тогда просто не знали. На самом деле, всё, что там растёт, это что-то среднее между растением и животным. Вся их зелень ходить умеет, многие виды охотятся. Потому и планету Лисицей назвали – за хитрость и обманчивый внешний вид.

– Ну, и к чему ты это рассказал? В чем история-то?

– Подожди. Вернулись мы домой, а вскоре и Плужников прилетел. Когда мы улетали, он уже был в пространстве. Известно, у нас-то двигатели послабее и скорость пониже. Через пару месяцев встречали мы его экспедицию. Про то, что они тогда открыли, я рассказывать не буду – и так все знают. Встречу им устроили пышную, с банкетом, с трансляцией по сенсовизору. Мы все там были. Понятно, что Татьяна мужа встречала.

Вот это, скажу я вам, была встреча. Мы все заранее прилетели, вместе собрались. А Татьяна заявила минуточка в минуточку. Плужников в зал входит, а навстречу ему – женщина красоты необыкновенной. Невысокая, но стройненькая, подвижная, как оленёнок. Глаза большие, брови дугой, а волосы до самой попы, каштановые и вьются. Входит и на шею ему бросается. Мы сначала ничего не поняли, потом

только до нас дошло, что она ведь по второй профессии кон-
тактёр. Значит, должна уметь перевоплощаться, принимать,
так сказать, любой облик. Так чтобы на корабле к ней никто
не приставал, она и загримировалась немного. И полтора го-
да так ходила! Представляешь?

Вот скажи, Ваня, за что Плужникову такая жена? Что в
нём особенного, чем он лучше тебя, или, к примеру, меня?
Обидно.

– Это, Вася, называется любовь. Может, Плужников и не
лучше нас. Ты чего раскис? Вот состаришься, спишут тебя,
перейдешь с минералки на пивко и будешь зелёной молоде-
жи рассказывать, какая она бывает, любовь. А пока не гру-
сти. Знаешь, в медцентре новая практикантка, она очень да-
же ничего...

О незаметных людях и неделанных открытиях

Выражаю искреннюю благодарность одному из самых любимых мной писателей-фантастов, Роберту Шекли, открывшему планету З-М-22 в звездном скоплении Пророкоугольника.

Каждый вечер в "Космическом волке", затерявшемся среди хозяйственных построек космодрома маленьком ресторанчике, обслуживавшем только летный состав, сидел старик. Он приходил к открытию и уходил последним. Он давно уже не летал, тихо сидел в углу, слушал чужие рассказы и пил пиво – одну кружку за вечер. Но когда в ресторанчик заваливалась команда вернувшегося из дальнего рейса корабля, старик забывал про пиво. Шутки космонавтов, рассказы, бурная радость от встречи с родной планетой возвращали его в собственную молодость. Когда-то он тоже мечтал стать пилотом дальней разведки...

Он отлетал без малого пятьдесят лет, но водил испытанные серийные грузовики по проложенным другими трассам. Списался из летного состава, поработал диспетчером-консультантом, а потом и вовсе ушел на покой. На его долю не выпало ни подвигов, ни великих открытий. Простая, самая обычная жизнь.

***

Лучше всего запомнился Косте Архипову день, когда курсанты Академии космонавтики при МАК¹ впервые надели форму пилотов. Все стали выше и стройнее. Синяя форма с серебряными звездами сидела на выпускниках, как влитая. Даже Леночка Крыжовникова, толстушка и хохотушка, подтянулась и стала неземной красавицей.

Каким сказочным казалось будущее! Небо ярким, люди добрыми и веселыми, а жизнь – бесконечной!

Костя, как и все его однокурсники, бредил Дальней разведкой. Космос манил неожиданными открытиями, романтикой дорог и возвращений. Имена героев, обнаруживших десятки пригодных для жизни планет, нашедших неизвестные землянам минералы, встретивших, наконец, первую инопланетную расу разумных существ, были известны каждому. И вчерашние курсанты, а теперь пилоты 3-го класса мечтали о неизведанном...

И вот первое задание! Простое, конечно. Следовало всего лишь перегнать корабль с космодрома на Марсе на орбитальную станцию Валерианы.

Но как смотрели на Костю девушки, когда в зале отправления он небрежно бросил: «Марсианский космодром!» Да и сам он испытывал некоторую внутреннюю дрожь. Конечно, на кораблях такого типа он налетал немало часов, но то с инструктором. А теперь он командир корабля и единствен-

---

¹ Международная Ассоциация космонавтики

ный член экипажа.

***

В звездное скопление Пророкоугольника Костя не соби-
рался, нечего ему было там делать. Учитывая, что корабль
новый, а полет до Валерианы через гиперпространство зани-
мал не более трех суток, задание казалось на редкость про-
стым. Да сложное никто бы Косте и не доверил. Вчерашний
курсант мог выполнить это задание с легкостью.

Он бы и выполнил, если бы через сутки полета не забарах-
лил гиперпространственный преобразователь. Видимо, за-
водской брак. Такое встречается редко, вероятность исчеза-
юще мала. За все время полетов в гиперпространстве преоб-
разователь с браком встречался всего пару раз.

Но вот починить работающий преобразователь невозмож-
но. Да и вообще, такой ремонт делается только в доках, там,
где есть специальная аппаратура. Можно только менять те
модули, к которым имеется запаска. Однако выбора не бы-
ло. Косте удалось вынырнуть из гиперпространства как раз
в звездном скоплении Пророкоугольника. Заглушив двига-
тель, он принялся за дело. Двое суток ушло на попытки по-
чинить преобразователь, Костя заменил все блоки, которые
мог, но ручаться за результат не стал бы. С замиранием серд-
ца он нажал кнопку запуска, преобразователь несколько раз
чихнул и замолк. Надо было вызывать помощь.

Регулярные рейсы, ни пассажирские, ни торговые, через

звездное скопление Пророкоугольника не производятся. Население здесь отсутствует, кислородных планет крайне мало, и они еще ждут своих исследователей.

Требовалось уточнить координаты, определить, где находится ближайшая автоматическая станция, и направленным лучом передать сообщение о случившемся. А потом оставалось только ждать.

Техника – штука капризная. Трудно сказать, что случилось, но отправить сообщение Костя не успел. Преобразователь вдруг ожил, корабль рванулся вперед, в гиперпространство не вышел, а по странной прихоти судьбы устремился к планете красной звезды, находящейся в нескольких часах полета. Константин бросился к информатору и уточнил параметры. Ему крупно повезло. Планета была кислородной. Не заселена, опасных микроорганизмов не обнаружено. Правда, имеются крупные хищники. Но в любом случае выбора не было.

Корабль двигался рывками. Косте удавалось кое-как удерживать направление, но назвать движение полетом язык не поворачивался. Преобразователь то включался, то выключался, заглывал отрезки пространства, создавал временные турбулентности. У Кости кружилась голова, желудок сжимался в комок, то наваливалась невыносимая тяжесть, то ее сменяла невесомость. Когда корабль вошел в плотные слои атмосферы, Константин потерял сознание, успев перед этим выключить преобразователь. Программа посадки активи-

вировалась автоматически.

Современные корабли имеют капсульную структуру. В какой-то момент стало ясно, что катапультировать экипаж недостаточно. Даже оставшись в живых, люди имеют мало шансов выжить в чужих мирах, не имея еды и воды, медикаментов и простейших жизненно важных приспособлений. Поэтому каждый отсек формируется как отдельная капсула, способная противостоять внешним воздействиям. Даже если некоторые из них при посадке погибнут, оставшиеся обеспечат экипаж минимальным набором средств для выживания.

Корабль ударился о поверхность планеты и разбросал в разные стороны модули-капсулы, а потом загорелся. Костя лежал в своей капсуле, порядком покореженной и лопнувшей в месте соприкосновения с землей, то есть с поверхностью З-М-22. Удар был очень силен. Автоматика отказала, но через трещину в капсулу проникал местный воздух. Трудно сказать, сколько прошло времени. То ли подействовал ночной холод, то ли организм справился с шоком. Костя огляделся. Вокруг была ночь. Синяя, бархатная, полная звезд и запахов незнакомых трав. Он пошевелил руками – руки действовали. Попробовал пошевелить ногами – и понял, что ноги сломаны. Обе. Кроме того, было очень больно дышать. По всему выходило, что сломано еще несколько рёбер.

Костя попробовал открыть люк, но у него ничего не по-

лучилось. Механический затвор надо было поворачивать с усилием, для этого следовало упереться ногами... Костя лежал и думал, что где-то поблизости лежит капсула медблока. Даже если она раскололась, диагност мог уцелеть. И тогда, если доползти до него и суметь подключиться, боль уйдет.

Конечно, радиус разброса капсул мог быть довольно велик, но Костя просто мечтал, а в мечтах можно ведь представить себе все, что угодно. Если бы у него не болели ноги, он открыл бы люк и выполз наружу. Даже при сломанных ребрах можно было бы предпринять поиски. Если идти медленно, было бы вполне терпимо. Через некоторое время в его мечтах стал все чаще возникать блок жизнеобеспечения. В капсуле находился атомный синтезатор и небольшой запас консервов и питательных таблеток на тот маловероятный случай, если он выйдет из строя. Таблетки есть и здесь, в капсуле пилота, в аварийном запасе, но ему их не достать.

Очень хотелось есть и особенно пить. Ноги распухли и пульсировали болью. Костя ощупал их и понял, что ходить он не сможет долго. Что это означает для человека, потерпевшего крушение на чужой планете вдали от основных транспортных путей, он думать не хотел. Похолодало. От голода и боли кружилась голова. Сам не заметив, как, Костя начал дремать. В полудреме он думал о том, что все происшедшее – просто кошмарный сон. Вот он проснется утром, и окажется, что ноги целы, просто сильный ушиб. Он быстренько найдет блок жизнеобеспечения, плотно позавтрака-

ет, а потом передаст сообщение о том, что нуждается в помощи, в широком диапазоне. Он будет повторять его снова и снова, и его услышат. Если синтезатор не поврежден, то подождать пару недель, пока его выручат – плевое дело. Просто незапланированный отпуск.

А если синтезатор не работает, можно найти что-нибудь съедобное на планете. Вот он завтра проснется и займется этим вплотную. С этими мыслями он провалился в спасительный сон.

Утро выдалось жаркое, солнечное. Костя проснулся от бьющего в лицо света и первым делом взглянул на ноги. Опухоль спала. Он ощупал поврежденные места. Боли не было, хотя чувствительность сохранилась. Костя попробовал пошевелить ногами и понял, что произошло чудо. Переломов не было. То есть совсем. Он резко сел и вскрикнул от боли. Зажили только ноги, ребра по-прежнему были сломаны. Или ему показалось, что он ломал ноги? Нет, как такое может показаться? Дикая боль, которую он испытал, пытаюсь открыть люк, врезалась ему в память. Тогда в чем же дело?

Впрочем, этот вопрос можно было отложить на потом. Костя уперся ногами в основание капсулы и осторожно, чтобы не тревожить больные ребра, повернул затвор. Люк открылся. Охая и придерживая поврежденный бок рукой, Костя выполз из капсулы и поднялся на ноги.

Вокруг расстилалась степь. Неподалеку виднелись заросли кустарника, слева от них дымились останки догоревшего

корабля. Остальных капсул видно не было.

Аварийный набор в капсуле пилота включал бластер, нож и котелок. Этот набор Костя всегда считал анахронизмом, прижившимся на кораблях в те времена, когда не было ни синтезаторов, ни диагностов, ни прочей современной техники. Два бинта, питательные таблетки, универсальный антидот и кислородная маска. Весь перечень курсанты заучивали наизусть еще на первом курсе. И Костя готов был поручиться, что открывать чемоданчик ему не придется никогда в жизни. Но те, кто составлял инструкции и заставлял курсантов учить список, знали о космических путешествиях гораздо больше...

Осторожно встав на четвереньки, Костя запустил руку в капсулу и вытянул чемоданчик. Первым делом он проглотил пару питательных таблеток и через пять минут почувствовал себя лучше. Бластер он положил в карман, а нож закрепил на поясе. Теперь можно было идти на разведку.

На месте падения корабля делать было нечего. Архипов прикинул радиус разброса капсул, исходя из расстояния между местом падения и точкой приземления своей капсулы, мысленно вычертил окружность с центром в виде дымящихся обломков и медленно пошел по кругу. Капсулы имели разный вес, и, соответственно, должны были находиться на разном расстоянии от точки падения, поэтому Костя внимательно вглядывался в колышущиеся на ветру травы, стараясь ничего не пропустить. Именно это и спасло ему жизнь.

Огромное животное, похожее на пантеру, но зеленого цвета и без глаз и ушей вышло из ложбинки по левую руку от Кости и уверенно двинулось в его сторону. Животное перемещалось большими прыжками, бесшумно и грациозно. Костя вскинул бластер. Луч разрезал "пантеру" пополам, Костя осмотрел останки и подумал, что животное могло быть съедобным. Впрочем, рисковать не хотелось.

Весь день прошел в бесплодных поисках. Косте удалось обнаружить только блок связи, да и тот был поврежден. Можно было бы попробовать его починить, но сначала надо требовалось устроить лагерь. Костя устал, ребра жгло, как огнем, к тому же приближалась ночь. Лезть в разбитую капсулу и еще ночь ютиться там между пультом и покореженным креслом – об этом страшно было подумать.

Для ночлега он выбрал ровную площадку неподалеку от капсулы. Очистил ножом грунт от травы, собрал сухие ветки в зарослях кустарника, а потом долго, часа три пилил кусты ножом, придерживая левой рукой сломанные ребра. Из собранного хвороста он сложил горки и, поставив бластер на "Самый малый", зажег огонь.

Костя лежал и пытался заснуть, но сон не шел. Костры горели ровно, можно было не опасаться, что какой-нибудь из местных хищников захочет навестить спящего. В голову лезла всякая чепуха. Как странно выглядел подстреленный хищник! Широкая пасть с двумя рядами плоских, острых, как ножи, зубов. И никаких признаков глаз и ушей.

Как они здесь живут? Любопытно. Допустим, они телепаты. Кстати, что-то такое выдавал информатор, когда он пытался определиться с планетой. Допустим. Но как они находят воду? Место для логова? Или логовища? Все равно. И вообще, они должны спотыкаться на каждом шагу, но зверь, которого он подстрелил, выглядел опасным, ловким и вполне уверенным в себе.

Страшно зачесался нос. Костя поднял руку, потер зудящее место и обнаружил, что рука в крови. Значит, здесь есть насекомые, кровососущие.

Пришлось снова вставать, рвать траву и листья и бросать в костры. Ветра не было, дым поднимался немного вверх и, прижатый ночным туманом, стелился над землей. Самое время было заснуть, пока листья не прогорели.

Однако натруженный бок дергало, как нарыв. Чтобы отвлечься, Костя принялся мечтать.

Вчера он был уверен, что ноги сломаны, а утром они оказались целы. Вот бы и ребра срослись за ночь! А что? Возможно, здесь в воздухе присутствуют какие-то вещества, способствующие восстановлению человеческого организма. Тогда завтра он встанет и...

Что "и", Костя пока не придумал. Без связи, вдали от транспортных путей шансов на то, что его найдут, не было никаких.

Чтобы не тревожить больные места, он старался лежать спокойно. Синее ночное небо дружески подмигивало ему

незнакомыми созвездиями. Костя решил придумать им названия. В конце концов, он, как Робинзон Крузо, может остаться здесь на много лет. Но об этом думать не стоило, от таких мыслей по спине бежали мурашки и хотелось плакать. Поэтому Костя сосредоточился на созвездиях.

Над самой головой расположился овал из восьми ярких звезд, с двумя звездочками поменьше в узкой части. Похоже на латинское "Q". Но такое название совсем не подходит для созвездия. Нельзя сидеть на скамейке, обняв любимую, и говорить: "Посмотри, какая яркая сегодня Q!" Совершенно никакой романтики. Костя попытался придумать что-нибудь получше. В голове вертелся обрывок старинной песенки: "Огуречик, огуречик, не ходи на тот конечик". Что там с ним было дальше, Костя не помнил. Но Огуречик все-таки лучше, чем Q.

Ниже, у самого горизонта, расположилась тройка ярких звезд, образующая равносторонний треугольник. В голову ничего подходящего не приходило. Тогда Костя стал добавлять к треугольнику соседние звезды, стараясь увидеть в них какое-нибудь животное.

Дым стлался над головой, но в нос не лез. Ласково шуршали травы, колеблемые ночным ветерком. Уже засыпая, Костя подумал о том, что хорошо бы проснуться здоровым, а еще лучше на борту корабля на антигравитационной тяге. Неважно, что таких кораблей еще не изобрели. Тогда можно было бы подняться с планеты на антиграве, а там уже ныр-

нуть в гиперпространство. Несколько дней – и дома. Уже засыпая, он представил себе пульт этого еще не изобретенного звездолета. Да и спать в нем гораздо безопаснее, чем на земле среди костров.

Во сне Костя повернулся на бок, взмахнул рукой и ударился о переборку. Открыв глаза, он увидел над собой серую мглу. Листья еще не прогорели? Но мгла казалась твердой и быстро наливалась светом. Он подскочил и сел на койке. В первый момент понять, где он, Костя не смог. Потолок перешел в обычный дневной режим, широкая мягкая пластиковая койка была вполне материальна и прогнулась, принимая форму Костиной "пятой точки". Он потряс головой, прогоняя наваждение. Неужели крушение и все прочее ему просто приснилось? Но уж очень правдивым и реалистичным был этот сон.

Спустив ноги с койки, Костя ступил на теплый ворсистый пол, который зашевелился под ступнями. Все было обычно и привычно. Однако что-то подсказывало, что надо пойти в рубку, проверить исправность приборов. Странно, ему почему-то очень хотелось убедиться, что сон был именно сном.

Рубка выглядела так же, как всегда. Костя глубоко вздохнул, но перевести дыхание так и не смог. Его взгляд упал на панель управления. Она выглядела совершенно необычно. Осторожно приблизившись к ней, он обнаружил, что не изменились только сенсоры жизнеобеспечения, кухни и других вспомогательных служб. Двигательная секция сократи-

лась всего до нескольких коротких панелей. Они что-то напоминали Косте, но он не мог сразу вспомнить, что. И вдруг в мозгу словно что-то прощелкнуло! Он вспомнил, как лежа между костров, представлял себе корабль будущего на гравитационной тяге.

Ему рисовалась именно такая панель, простая и функциональная. Надо только задать координаты и время полета, а потом переключиться на выход в гиперпространство. Все расчеты и корректировки, поддержание силы тяжести в жилых помещениях, все вообще должно было производиться автоматически.

Машинально Костя включил внешний обзор и перевел изображение на обшивку. Корабль представлял собой конструкцию, больше всего напоминающую половинку яйца с сильно заостренной верхушкой. Нижняя часть была совершенно плоской и не соприкасалась с землей. Было видно, как ветер колышет траву под днищем. В нескольких метрах от корабля виднелись следы от костров.

Стараясь ни о чем не думать, Костя прошел в санитарный отсек и умылся холодной водой. Что все это значит?!

Только теперь он заметил, что совершенно не болят сломанные ребра. Ощупав себя, Костя понял, что от переломов не осталось и следа. Можно было подключиться к диагносту, но и без этого он не сомневался, что все цело.

Костя вернулся в каюту и лег на койку. Так легче думать.

Похоже, что ответы на вопросы, каким образом срослись переломы, откуда взялся корабль и как местные животные умудряются передвигаться по пересеченной местности, ничего не видя, лежат в одной плоскости. Это всего один ответ: животные являются частью планеты, живой разумной планеты. Выходит, это именно она воспринимает телепатические сигналы живых существ, регулирует происходящее на поверхности, а может быть, и за ее пределами, и способна к общению.

Но тогда полученный Костей корабль – это лишь малая толика того, что может дать планета. Надо бы попробовать взлететь. Вдруг корабль – просто макет, воплощение его фантазий? Но ведь ребра срослись по-настоящему...

Получается, достаточно подробно вообразить себе что угодно, и планета воплотит твои фантазии в металл и пластик. А может быть, и в живую протоплазму! Здорово! Вернуться на Землю с таким открытием – об этом можно только мечтать!

Косте живо представилось приземление первого в истории человечества антигравитационного корабля. Толпы встречающих, сенсовидение. И, конечно, Лиза... На Лизе он подробно останавливаться не стал. На всякий случай. Вдруг планета воплотит и эту мечту? Костю аж передернуло. Лучше уж быть тут одному, чем с биороботом-Лизой, улыбающейся тебе дежурной улыбкой.

А вот технические возможности безграничны. Конечно,

массовое производство надо будет организовывать на спутниках. Но принцип работы двигателя можно установить, разобрав корабль по косточкам. И не надо долгих лет мучений, проб и ошибок. Планета выдаст все, что только сможет вообразить человеческий разум. А там – по накатанной схеме. Разобрали, разобрались, наладили производство.

Постепенно мысли приобрели совершенно другое, не такое радужное направление. Интересно, каково будет всем тем ученым, инженерам, изобретателям, которые потратили годы жизни на то, чтобы подарить человечеству свои открытия? Глупо об этом думать, ведь прогресс не остановишь. Все равно многие профессии отмирают, становятся не нужны. Люди вынуждены переучиваться или просто остаются не у дел. Так о чем тогда размышлять?! Ведь любая мелодия, любое художественное полотно или скульптура могут быть воплощены единым движением мысли!

Только вот долго ли продлится такое изобилие? Захочет ли планета работать для удовлетворения людских потребностей? И хорошо ведь, если откажется сразу.

А если начнет, мы откажемся от науки, искусства, разучимся думать сами. И тут она решит, что хватит. В каком положении окажутся люди Земли?

Да и кроме того, разные бывают люди и разные у них могут возникнуть желания. Кому-то нужны корабли и картины, а кому-то может сниться безграничная власть. И планета может обеспечить его любым оружием, даже таким, до которо-

го люди еще не додумались. В конце концов, эпоха войн завершилась не так уж давно. Даже запасы ядерного, нейтронного и нейтринного оружия еще лежали в подземных хранилищах, а лучшие умы человечества пытались придумать, как от них избавиться, не причиняя вреда природе. Да, разные бывают у людей желания...

Как-то само-собой получилось, что Костя уже ни в чем больше не сомневался. Он опробовал двигатели. Все работало.

А потом три дня ушло на то, чтобы собрать разлетевшиеся из корабля капсулы и часть грунта и обгорелых останков его собственного корабля. Даже с помощью имевшихся на борту полевых роботов это оказалось не такой уж легкой задачей. Когда все было погружено, он бросил прощальный взгляд на планету. Вполне может быть, что корабль был вежливым намеком на то, что пора убираться и оставить планету в покое. Кто знает?

Костя выбрал небольшую кислородную планету в значительном удалении от З-М-22 и направил корабль к ней. Аккуратно выгрузил собранные модули, расположил их на расчетном расстоянии от центра предполагаемого крушения. А в центре развел огромный костер, в который выбросил останки старого корабля. Новый же корабль перевел в автоматический режим и отправил обратно.

С блоком связи пришлось повозиться. Но еще через двое суток он смог отправить направленное сообщение к ближай-

шей автоматической станции. Эта неудача в одном из первых полетов испортила, конечно, Косте карьеру. Не суметь перегнать серийный корабль по стандартному маршруту! Его назначили в каботажный флот, хотя он мечтал о дальней разведке. Но со временем Костя смирился. Он делал нужное дело, а ответственность, которую берут на себя пилоты дальней разведки, действительно очень тяжела.

По крайней мере, планеты З-М-22 Косте хватило на всю жизнь.

От Земли до голубых облаков

– Два пива и минералку!

– Что ты, Иван, от коллектива отрываешься? – Гаврилов сморщился, будто лягушку проглотил. – Между рейсами-то можно?

– Было б можно – он бы пил. Ваня, ты хочешь пива? – спросил Архипыч

– Хочу. Но не буду.

Архипыч только улыбнулся и пену сдул.

– погоди, вот доживет до наших лет, тоже пивком будет баловаться.

– Ладно, – согласился Гаврилов. – Тогда давай нас развлекай. Люблю, когда врут про приключения! Только чтобы с хорошим концом, слышишь?

***

Утро выдалось самое обычное. Матвей ушел рано, а Рита еще копалась. Сунула в мойку посуду после завтрака, покорила кошку. Жизнь постепенно входила в колею.

Все было как раньше – и все же по-другому. С тех пор, как научились не просто клонировать людей, создавать дочерние организмы с тем же набором генов, а формировать точную копию донорского организма, биоматериал, на всякий случай, брали у всех людей опасных профессий. У космолетчиков особенно. Информационную копию снимали перед са-

мым отлетом. Конечно, «повторяшки» были совершенно отдельными личностями, о бессмертии речь не шла. Но близкие тех, кто не возвращался, часто соглашались на такую замену. Со временем все привыкали, ведь «повторяшка» помнил все, кроме последней, закончившейся катастрофой экспедиции. И если считать, что ее не было, все оставалось, как до полета.

Делать ли «повторяшку», Риту не спросили. Он нужен был МАКу. Из тех пятерых, что опустились на посадочном боте на Планету Голубых Облаков, в живых остался только он. Перспективная планета годилась для колонизации, и вдруг такое! Как израненный Матвей с переломанными костями и разрывами внутренних органов смог попасть в бот и включить автоматику, никто не знал. Поэтому информационную копию сняли еще на борту маточного корабля, прежде, чем поместить почему-то еще дышащее тело, некогда бывшее космолетчиком первого класса Матвеем Переваловым, в хронокапсулу.

Новый Матвей помнил все. Каждый день он отправлялся в МАК, писал бесконечные отчеты, опровергал версии происшедшего, вспоминая новые детали. Он и сам не мог объяснить, как совершенно безопасная планета смогла за считанные часы погубить прекрасно оснащенный и подготовленный экипаж.

Рита надела синее платье, которое так нравилось ЕЕ Матвею, и белый пиджак, схватила сумочку, но вдруг вспомни-

ла про цветок. Положив сумочку на подоконник, она взяла баллон-пипетку и капнула несколько капель в песок, из которого торчало странное растение. Среди растрепанных белых перьев, росших бесформенным пучком, проглядывали зеленые звездочки соцветий. Этот марсианский эндемик обнаружили первым после терраформирования планеты. Крошечные, едва заметные растения прятались в глубоких расщелинах, где были кислород и следы воды. После установки кислородных станций перьевики начали разрастаться, завоевывать новые пространства. И в конце концов один из них попался на глаза знаменитому Плужникову. Матвей с большим трудом достал один цветок и подарил ей на первую годовщину свадьбы.

– Он такой же космический житель, как и я. Когда я улетаю, вы с ним можете ждать меня вместе, и тебе будет веселей.

С тех пор Рита все одинокие вечера проводила в кресле, рядом с перьевиком. И сейчас, вместо того, чтобы отправиться на работу, она тяжело опустилась в кресло и уставилась на цветок.

Новому Матвею платье тоже нравилось, но он никогда не смотрел на нее так, будто хочет забрать себе всю, целиком. Новый Матвей родился тридцатилетним, как и все «повторяшки». Это было связано с какими-то биологическими процессами, то ли ростом, то ли старением, из-за которых было проще всего вырастить именно тридцатилетнюю особь. По

своему биологическому возрасту Рита была на год моложе, чем новый Матвей. Но, безусловно, ей было далеко до его совершенства. Легкий рубец на животе, оставшийся после аппендицита, небольшая врожденная асимметрия рта, ресницы, растущие неравномерно, мохнатыми кисточками.

Новый Матвей этого не замечал. Или делал вид, что не замечает. Он был всегда нежен и внимателен. Совершенное тело не имело изъянов. Он даже не храпел, как ЕЕ Матвей. Новый помнил абсолютно все: как они первый раз поцеловались, как ходили с ребятами в поход по Уральскому заповеднику, тащили по старинке рюкзаки с фильтрами для воды и питательным концентратом. Как ночевали в выращенной наскоро палатке, пели у костра и гадали на гаснущих углях. Он помнил ночную сорочку, купленную мамой к их свадьбе. Она была необыкновенно красивая, словно сшитая из полярных сияний, но такая прозрачная, что Рита стеснялась показаться в ней Матвею.

Но хуже всего было в постели. Когда-то американским морякам, кажется, подводникам, давали с собой в дальние рейсы резиновых кукол. Их делали на заказ, по выбору, кому с жены, кому с любовницы.

Порой Рите казалось, что и она получила такую резиновую куклу, только живую. Новый Матвей знал, что ей нравится, а что нет, всегда старался угодить. С ним было тепло, приятно и спокойно.

Прошло уже полгода. Главное – ни о чем не думать, не

вспоминать.

Матвей вовсе не чувствовал себя резиновой куклой. Скорее, младшим братом, на которого старший оставил свою семью. Когда-то у моряков существовал обычай: если друг погиб в море, один из его товарищей женился на вдове, чтобы семья не осиротела. Его «старший брат» ушел, но оставил на него свою жену.

Рита Матвею нравилась. Милая, добрая, немного печальная. За свои собственные полгода Матвей ни разу не испытал тех чувств, которые помнил памятью Матвея-первого. Те спокойные отношения, что сложились у него с Ритой, помогали выполнять долг. Детей у нее не было, только кошка. Зоська его терпела, но не признавала.

Матвей помнил, что для его предшественника она была готова на все. Зоська терпела, когда тот, первый Матвей, выстригал из густой шерсти колтуны, купал ее со специальным шампунем и даже засовывал в пасть таблетки.

У Матвея нового она сидела на руках до тех пор, пока он ее гладил. Стоило убрать руку, и кошка мигом оказывалась на полу, пряталась под кресло.

Работа в МАКе, жизнь в семье «брата» были для Матвея долгом. Он ведь помнил не только Риту...

Глубокий черный мир, полный чудес и опасностей, жил своей жизнью за пределами крошечной и беззащитной Солнечной системы. Он привык погружаться в эту бездну – и побеждать, возвращаться живым. Новое тело, лишенное травм

и рубцов, сильное, здоровое, снова звало туда, где все это так нужно! Но долг держал его на Земле. И это было тяжело...

Рита не знала, что все эти полгода израненное тело Матвея еще жило. Врачи, оценив шансы на успех, бороться перестали. Вырастить ему новые органы не представлялось возможным, для этого требовалось извлечь тело из хронокапсулы. А без нее Матвей прожил бы от силы минут двадцать. Но Матвей все еще был там, в капсуле, которая не давала неумолимому времени завершить свое дело. Он дышал благодаря молоденькому доктору, вчерашнему студенту со смешной фамилией Толстенький.

Худой, долговязый Толстенький по молодости лет то ли не мог поверить, что современная медицина бессильна, то ли чувствовал что-то такое, что с возрастом человек чувствовать перестает. Повредить пациенту он не мог, и более опытные специалисты не мешали молодому коллеге оттачивать профессиональные навыки на безнадежном больном.

Толстенький подошел к делу ответственно. Органы он выращивал не в теле пациента, а по старинке, в биокамере. Долго отработывал на муляжах технологию операции и лишь потом на считанные минуты извлекал израненное тело для стремительного действия, производил пересадку. За полгода он провел пятнадцать операций, каждый раз разрабатывая оригинальную смесь для стимуляции кровообращения. Затем настало время восстановления. Новые органы должны были прижиться, кости срастись. Даже с самыми современ-

ными стимуляторами это требовало времени. Матвей уже был в сознании, хотя Толстенький из суеверия никому об этом не говорил. Но все когда-нибудь кончается.

Когда Перевалов пришел в себя, доктор Толстенький почувствовал себя триумфатором. Ему удалось то, во что никто не верил. Но, хоть самое главное было уже позади, Матвею предстояло еще долго лечиться. Никакой, даже самый крепкий организм, не в состоянии восстанавливать все системы сразу.

Однако доктора беспокоило настроение больного. После головокружительного успеха наступил спад. Доктор боялся, что психическое состояние космонавтика замедлит выздоровление или сделает его вовсе невозможным. И он решился на опасный шаг.

Откладывать больше было нельзя. Еще немного, и она опоздает безнадежно. Но так не хотелось уходить из этой комнаты, где каждая мелочь напоминала о ЕЕ Матвее. Эти занавески они привезли из Сочи, когда отдыхали после его годичной командировки на Марс. А люстра из сапфириола – подарок Плужникова, подаренный после открытия Каплинского месторождения. Коврик с ромашками связала мама, когда Матвей обмолвился, что у него мерзнут ноги на холодном полу.

Солнечный квадрат из окна переместился к столу. Она просидела уже часа два. Что делать?! Время не повернет-

ся вспять, надо продолжать жить. Нынешний Матвей скоро начнет летать, а она будет опять сидеть в кресле рядом с цветком и ждать. Которого?

Все это глупости. Пора. Рита сжала в кулаке брелок, и маленький флаер на поляне перед домом зашелестел, запуская мотор и проверяя все системы.

Но улететь она не успела. Прямо из небесной синевы, оттуда, где плыли пушистые белые клочки облачной ваты, на их лужайку опустился большой золотистый флаер с гигантскими буквами МАК на борту. Дверь поднялась, и на траву прыгнул Матвей. Он успел загореть, его стройное тело с шоколадным загаром было таким ловким и сильным, что у Риты защемило сердце. На секунду ей показалось, что это тот, ЕЕ Матвей, за которого она семь лет назад вышла замуж. Следом появился высокий, угловатый, чем-то похожий на кузнечика парень, а за ним Плужников. Последним, неловко цепляясь рукой за поручень, вылез Матвей. Долговязый вместе с Плужниковым подхватили его под локти и поставили на землю. Он стоял, держась за корпус флаера, и даже не пытался к ней подойти. По сравнению с новым Матвеем он казался стариком. Стоял он, скособочившись, опираясь только на правую ногу, чтобы не нагружать больную левую. Правую руку он прижимал к животу. Одна сторона лица пламенела незажившим ожогом, а другую пересекал сложный розовый рубец.

– Вы не волнуйтесь, Маргарита Алексеевна, мы это все

поправим, – перехватив ее взгляд, сказал долговязый.

Матвей смотрел себе под ноги, не решаясь поднять глаза на Риту. На минуту она остолбенела, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. А потом бросилась вперед и повисла у Матвея на шее. Было видно, что ему больно ее держать, но он все же держал, изо всех сил прижимая к себе здоровой рукой.

Потом Матвей пошевелился и сказал:

– Погоди, Маргаритка, мы людей задерживаем.

От этого давно забытого имени по Ритиным щекам потекли слезы, но она даже не пыталась их скрыть. Плужников смотрел на нее с удовольствием, долговязый стеснялся и отводил глаза.

Рита взглянула на нового Матвея, и он улыбнулся ей такой доброй, открытой улыбкой, что она тоже улыбнулась в ответ.

– Скажи спасибо доктору Толстенькому, – сказал ЕЕ Матвей. – Он настоящий волшебник.

Рита подошла к долговязому, взяла его за руки и поцеловала каждую ладонь. Доктор покраснел и отнял руки. Плужников направился к флаеру, потянул за собой доктора. Матвей обнял Риту и, приволакивая левую ногу, пошел по дорожке к дому.

– Как тебе идет это платье! Я и забыл, оно совершенно такого же цвета, как твои глаза.

Рита ничего не ответила, просто уткнулась носом в его брезентовую куртку.

Новый Матвей легко перепрыгнул живую изгородь из низких цветущих кустов и пошел прочь от дома, в котором прожил первые полгода своей жизни. Он был счастлив.

Старший брат вернулся и освободил его от ответственности за свою семью. Теперь перед ним открыт весь мир. Свобода!

А еще он радовался своему открытию. Оказывается, в каждом человеке есть что-то такое, что нельзя ни скопировать, ни переписать. Оно делает человека самим собой, в нем заключены радость и горе, страх и вера, и любовь. А еще оно дарит надежду, что все еще будет...

Пирожок

Белые шарики одуванчиков чуть шевелились на ветру, но не облетали. Здесь, между ангарами, их никто не косил. Да и, пожалуй, тому, кто решил бы покуситься на это пушистое великолепие, не поздоровилось. Люди, вернувшиеся из дальних полетов, особенно бережно относятся к таким мелочам, частичкам родной, своей жизни. Лопатин, балансируя на редких плитках дорожки и стараясь не давить цветы, осторожно пробрался к двери, распахнул её и был встречен радостными воплями собравшихся. Здесь его всегда ждали.

В "Космическом волке", как обычно по субботам, мест не было. Вся компания свободных от полетов пилотов и механиков собралась в выстроенном из пластиковых блоков сарайчике, гордо именовавшемся рестораном. Особенных удобств "Космический волк" обеспечить не мог, но зато и чужих здесь никогда не водилось.

– Ваня, тебе, конечно, минералку? – спросил Лопатина бармен Федор.

– Да, пожалуй, – ответил тот. – Будем соблюдать режим.

– Ты же только вернулся, – с завистью пробасил Федор.

– Какие наши годы?! Рано мне градусы потреблять, – Лопатин радостно улыбнулся и стукнул кулаком по столу. – Тащи две бутылки. Буду расслабляться.

– А мне шоколад по-мексикански, – попросил пилот Петр

Качан.

– Петя, это ж гадость!– Федор вопросительно взглянул на Качана, но тот был тверд в своем решении.

– Что значит "по-мексикански"? – спросил Качана Гаврилов.

– У тебя, Гаврилов, как у механика, нет второй специальности. Серый ты человек. Вот получил бы образование – знал бы, что была в древности такая страна – Мексика.

– Ну и хвастун ты, Качан. Это какое образование надо получить, чтобы про шоколад?– обиделся Гаврилов.

– Петя, ты уж поясни, что за шоколад такой, – попросил Лопатин.

Качан почесал в затылке.

–Это шоколад особенный. По правде говоря, хитрая штука. Древние мексиканцы, не помню уж, почему, считали, что у шоколада есть дух, и весь он в пене. Сахар они в шоколад не клали, зато добавляли острый перец, специи разные. И взбивали специальной такой деревяшкой, молинилло называется. В других странах не так делали, это индейская традиция. Или индеанская. Шут ее знает.

– На этом и проколоться можно, – задумчиво произнес Лопатин.

– В каком смысле? – спросил Гаврилов.

– Пойдемте за столик к Архипычу, расскажу.

За столиком у окна сидел седой загорелый человек небольшого роста в летной форме старого образца – Кон-

стантин Архипович, пилот в отставке, завсегдай "Космического волка".

– Архипыч, здорово! Мы к тебе идем. Лопатин собирается байку травить, – крикнул Качан, подходя к столику.

– Садитесь, ребята, – приветливо сказал Архипыч, – давай, Ваня, рассказывай. Люблю тебя слушать.

– Ну да, как соловей заливает, – пробурчал все еще обиженный Гаврилов. – Давайте хоть напитков дождемся.

Бармен не заставил себя ждать, он тоже не хотел пропускать Ванино вранье.

– Дело было так, – присаживаясь, начал Лопатин, – выдалось у меня пару лет назад несколько недель отпуска. Болтался я без дела, туда-сюда, и познакомился с новым пилотом. Имя у него было такое странное – Зукираран Смирнов. Ничего особенного, конечно. Родители, бывает, называют отпрысков в честь тренера футбольной команды или героя стереофильма. Мы его для простоты Кирой звали. Я его как-то спросил, где родители такое имечко ему откопали, а он обиделся. Так уж я больше и не спрашивал. Ну, не в имени дело.

Парень оказался хороший. Мы с ним одновременно на Гее околачивались. У меня был перерыв между полетами, а он ждал набора экипажа. Его в новый экипаж определили. Мы подружились и буквально не расставались пару недель. Такой компанейский парень оказался! Мы на рыбалку на Тенеиду сгоняли. Зукираран там отличного матадора поймал. Для тех, кто не знает -это рыба такая.

– Подожди, Ваня, ведь тогда нуль-транспортировщик был сломан.

– Да нет, Архипыч. Его уже починили к тому времени. Так вот, про Киру. Уху он сварил отличную. Хобби у него такое было – кулинария. Приготовит что-нибудь и всех угощает. А похвалишь его стряпню – светится весь от удовольствия. И готовил чудно! Полно у него всяких было пакетиков с травами и даже с минералами. Он все по шепоткам отмерял. Когда он готовил, близко не подходи, свирепел прямо. Зато и результат!

Родители у него на Луне, отец профессор темпорологии, мать тоже преподает. Так он с детства синтезаторы ненавидел. Потому и готовить сам выучился. Его прямо трясло, как только про готовую пищу услышит. Представляете, у них в семье еще восемь несовершеннолетних детей – Кирюхины младшие сестры и братья. Живут все в научном городке при Университете. Где уж матери при таких делах кулинарией заниматься? И девчонка там у него есть – Линда. Кира фотографию показывал. Ничего, хорошенькая.

– Блондинка? – тут же заинтересовался Качан.

– Блондинка, брюнетка... Тебе хоть пятиногую каракатицу в юбке покажи, все равно привяжешься, – снова разворчался Гаврилов.

– Рыженькая. – Лопатин отхлебнул прямо из бутылки. Ледяные пузырьки обожгли язык, аж дыхание перехватило. Пришлось сделать паузу.

– Поэтому, кстати, он на наших девчонок из космопорта особого внимания не обращал. К примеру, мы с ним к Аллочке с биостанции на день рождения ходили. Он там шутил, смеялся, но шашней ни с кем не заводил. Объяснял всем, что у него есть невеста. Кстати, все у девчонок рецепты выспрашивал. Ленка ему рассказала, как борщ варит. А Аллочка не пожалела, дала рецепт бабушкиных пирожков с капустой. Он полчаса у нее выспрашивал, какую капусту брать, да сколько тушить.

Так время и прошло. Приближался день моего отлета. Вы все знаете, принято у нас за день до старта собираться всем вместе, по пиву. В этот день никто и слова не скажет – святое.

И вдруг меня вызывают в Службу межгалактической безопасности (СМБ). Там суровый мужик в серой униформе встретил меня по-военному. Сказал, что проведет со мной инструктаж на случай контакта с инопланетянами. Вот ты, Гаврилов, инопланетян встречал?

– А то, – удивился Гаврилов. – Вон выйди в центр, там их сколько хочешь прогуливается. И туристы, и по делам.

– То-то и оно. Я его спрашиваю, что это вдруг? А он отвечает, что обязательно объяснит, поскольку у меня оформлен доступ к секретной информации.

– Ваня, – опять прервал Лопатина Архипыч, – тебе можно про это говорить?

– Обижает, Архипыч, – ответил Лопатин, – я лишнего никогда не скажу. Это дело-то уже прошлое. Словом, мне

улетать, а мужик этот завел про проблемы контакта с враждебными цивилизациями. Что делать, если встретится тебе диверсант, к примеру?

Я ему говорю, инопланетяне – они же разные. Кто на кузнечика похож, кто на капусту. Не сразу и поймешь, разумное существо или нет. Как же я разберусь, кто там враждебный?

Мужик, смбэшник этот, говорит – бдительность нужна. Оказывается, последнее время стали у нас случаться странные дела. Тогда как раз запускали проект "Земля".

– Это по расчистке помойки, что ли? – осведомился Качан.

– Точно. Решили, нехорошо – родная планета, колыбель, можно сказать, человечества, а превратилась в помойку. Я там, между прочим, бывал. Вот Архипыч не даст соврать. Страшно, я вам скажу, жуть. Чуть меня там не съели. Но не об этом речь. Вот Архипыч вспоминал про поломку НТ. Разве такое когда бывало? Она уже лет двести работает себе и не ломается. Смбэшники сразу заподозрили что-то неладное. Стали копать, и оказалось, что это не первый случай. Все-таки наша Земля – редкое сокровище. Кислородная, воды полно. Растительность в основном нейтральная. Вот и решили, что она приглянулась кому-то. В общем, предупредили меня: про параметры НТ никому не рассказывать, про космопорт не трепаться и если что странное замечу – сразу к ним.

Ну, собрались мы на свой пикничок. Надо сказать, как

где праздник или сборище какое-нибудь – Зукирарана сразу приглашали. Он такой шашлычок делал, пальчики оближешь. Я, конечно, тоже по-свойски его позвал. Кира обещал еще и пирожков по Аллочкиному рецепту с собой принести. Кто ж откажется?

Собрались мы, значит. Костерчик развели. Скатерку на травку постелили. Кира пирожки достал. А пирожки эти ужасно странные. Я с детства помню, как бабушка пирожки пекла. Они были румяные, тесто вкусное, не только начинка.

Зукираран же мне дал пирожок, в котором тесто было завернуто в капустный лист. То есть – все наоборот. Как голубцы, в принципе, только вместо начинки – тесто.

Я как это рассказал чиновнику из СМБ, он замер, насторожился. Говорит быстро, кто, мол, тебя этими пирожками угощал? Я ему назвал имя и фамилию Зукирарана. Он меня отпустил, а после полета опять в СМБ вызвал.

Рассказал, что мой приятель Зукираран оказался шпионом с планеты L2546 в системе Омега. Смирновы его приемные родители. Они его взяли в молодости, своего никак родить не могли. А потом как пошло! Но он у них старшенький. А имя такое он сам придумал. Это у них на планете и не имя вовсе, а вроде воинского звания. Там аборигены обладают отличными свойствами мимикризации. Они к нашей Земле давно приглядывались. Может, они ребята и неплохие. Но мы свою планету лучше сами в порядок приведем. Наши предки насвинячили, нам и убирать.

Девушка с кленовыми листьями

Началось все с рядового посещения архива. Точнее, Иван пришел к Тане Слободской, эксперту архива, с которой собирался сыграть пару сетов в теннис. Но Таня была занята. Пока он ее ждал, от скуки стал просматривать древние газеты. Их обрабатывали специальным составом, и газеты пятисотлетней давности замечательно сохранялись. В одной из газет Лопатин наткнулся на статью, посвященную гонкам на байдарках и каноэ. Оказывается, в соревнованиях, проходивших пятьсот лет назад, гонку на байдарках – одиночках выиграл какой-то Леонид Лопатин. Однофамилец, что ли?

Этот вопрос заинтересовал Ивана, и он в Объединенной генеалогической базе просмотрел данные Леонида Лопатина. Оказалось, это его предок, пра- пра- пра-... дедушка. Вот бы взглянуть на него, посмотреть регату! Теперь байдарок нет, их заменили летающие колтиды – лодки из колтилена с укрепленным килем, с уймой различных возможностей. Колтиды практически никогда не переворачиваются, абсолютно безопасны, легки в эксплуатации, не нуждаются в постоянном ремонте. Короче, у них уйма достоинств и возможностей. Но где романтика?!

То ли дело – предок! Сражался со стихией, мчался вперед, невзирая на опасности! Посмотреть на него стало навязчивой идеей Лопатина. Он думал об этом неделями, прикиды-

вал, как совершить путешествие в прошлое. Попасть туда – мечта для большинства людей несбыточная, слишком велик риск изменить путь истории. Даже специалистам приходится готовиться годами, чтобы посетить интересующую их эпоху. Но Лопатин всегда считал, что было бы желание, а возможность обязательно найдется.

Пришлось подкатиться к Лешке Синицину. Он приличный темпоральщик. Сначала Лешка, конечно, отказывался, но Иван в конце концов его убедил. Пришлось пообещать сделать для него кое-какие расчеты, достать у знакомых биологов семена настоящей земной капусты и даже венерианский сапфириол, минерал настолько редкий, что во всех лабораториях мира его насчитывалось не более пяти килограммов. Лопатин знал за собой слабость обещать с три короба: уж как понесет, так понесет, не остановишь. Правда, к его чести надо сказать, что он всегда старался выполнить данные сгоряча обещания. И даже достать сапфириол некоторая надежда была. Помнится, Качан привозил для своей девушки один камешек, да так и не вручил. С той девушкой он давно уже не встречался, а камушек остался.

К поездке следовало подготовиться основательно. Да, он не специалист, но если прочитать правила, историю заданного периода и сдать экзамен, то есть шанс получить темпоральные права. Сдавать экзамен Лопатин, конечно, не стал, но все положенное добросовестно выучил.

Он заранее смирился с мыслью, что в прошлом нет НТ-

кабин, лингвисторов, космолетчиков и прочая, и прочая. Ну что ж, потерпит неудобства. Машина времени снабжена микризатором, превратится в какой-нибудь куст или в телефонную будку. Лопатин не понимал, почему предки разговаривали по телефону только в будке, ну да Бог с ними. Кроме того, ясно, что нельзя нарушать течение времени, то есть вмешиваться в какие-либо события. Это и ежу понятно. Он только побывает на соревнованиях, и домой. Что тут сложного? Синицин долго отнекивался, но Иван его уломал.

Лешка дал ему денег, которые были в ходу в двадцатом – двадцать первом веке. Лопатин, правда, никогда вообще никакими деньгами не пользовался, но принцип знал: я тебе деньги, ты мне товар.

Наконец наступил день отъезда. Иван вошел в уже стилизованную под телефонную будку машину времени, набрал на диске две тысячи тридцать девятый год, дату, нажал кнопку и очутился на набережной Москвы-реки.

Народу на соревнования собралась уйма, ничего не было видно. Лопатин, энергично работая локтями, полез к ограждению, за которым оказалась зона финиша. Вдали виднелся проход к трибунам и касса. У кассы, вытянувшись в хвост, стояли люди. Даже неопытный в таких делах Лопатин понял, что за билетами надо часа три стоять в очереди. За это время соревнования закончатся. Иван растерянно оглянулся. На обрывистом берегу реки, выше ограждения, располагалось летнее кафе – столики под открытым небом. Оттуда

будет отлично видно, как Леонид Лопатин выигрывает кубок. Иван направился вверх к кафе. Да, не один он такой умный. В кафе яблоку негде было упасть. Он нашел только одно свободное место – за столиком, где уже сидела миловидная девушка.

Как противоречива судьба... Сначала он чуть не попался с телефонной будкой. Оказывается, в двадцать первом веке их уже не использовали. Какой он испытал ужас, когда на глазах изумленной публики Парка культуры и отдыха телефонная будка мимикрировала в ларек для продажи мороженого. К нему тут же выстроилась очередь. Пришлось изворачиваться и врать, что мороженое кончилось. А потом он совершил ужасный поступок – украл с колеса обозрения табличку "Не работает" и прицепил ее на машину времени. Но все это – пустяки.

Главное то, что его место в кафе оказалось рядом с ней, Алисой. Как удачно, что пошел дождь; как удачно, что у нее сломался зонтик!

– Девушка, вы же промокните, – сказал он и протянул ей свой зонтик.

– А как же вы? – спросила она.

– Пилоты не промокают, – гордо ответил Лопатин.

– Так вы летчик?

– В какой-то степени. Меня зовут Иван.

– А меня Аля.

Вот так прозаично он и познакомился с девушкой, о ко-

торой мечтал всю сознательную жизнь. И достаточно было одного взгляда бездонных серых глаз, одной ямочки на щеке, чтобы он пропал.

Потом они смотрели соревнования. Но почему-то Иван так и не увидел момента финиша, ради которого здесь оказался. Потом они гуляли по весенней Москве. На улице властвовал май. Листья на деревьях еще не распустились, а только показались в лопнувших почках их маленькие, нежно-зеленые предвестники. Трава сияла свежей зеленью. Птицы пели на все голоса. Воздух был полон весенней истомой и сладким ожиданием лета.

О чем они говорила? Этого Лопатин не помнил. Он помнил лишь искорки в Алиных глазах, золотые кудряшки над ушами, ее залиvistый смех.

Неправда, что люди от любви тупеют. Ему, напротив, пришла в голову замечательная мысль. Он же путешествует на машине времени! Значит, вернется в тот же момент, из которого стартовал. Почему бы ему не пожить здесь пару недель? Лешка ничего не узнает.

– Аля, ты не посоветуешь, где можно остановиться приезжему человеку в нашей столице?

– Знаешь, я могу тебе помочь. У нас соседка Гликерия Осиповна комнату сдает. Она обычно на вокзале жильцов ищет. Но сейчас у нее радикулит, и она из дома не выходит. Думаю, она будет рада, если я найду ей жильца. У нее можно даже полный пансион получить. Тебе же надо где-то пи-

таться.

– Неудобно, наверно. То есть, на жилье я согласен, а питание... Ей же тяжело с радикулитом у плиты стоять.

– Ну, тогда сам будешь готовить. Сумеешь пельмени сварить? Магазин у нас рядом.

– Конечно, какой разговор. А ты когда дома бываешь?

– В выходные и по вечерам.

– Учишься?

– Да, на втором курсе филфака.

– Молодец. Завтра вечером приглашаю тебя в музей или в театр.

– Ишь ты, шустрый какой, – засмеялась Аля, – в театр заранее надо билеты брать.

– Я и возьму заранее. То есть, я хотел сказать, что у меня блат в театральной кассе. В какой театр хочешь пойти?

Так и началась их история. Они ходили по театрам, выставкам, просто гуляли. Домой возвращались поздно, до полуночи целовались в подъезде. Гликерия Осиповна оказалась понятливой старушкой, на поздние возвращения Ивана внимания не обращала. Через пару дней вечернего бдения просто дала ему запасной ключ. Короче, все было замечательно.

Но в какой-то момент он понял, что не может больше обманывать Алю. Слишком серьезно все, что с ним происходит. Какое их ждет будущее? Неужели эти сумасшедшие недели останутся в памяти просто приятным отпуском на

Земле?

Он уже понял, что больше всего на свете хочет, чтобы Аля всегда была с ним. Но можно ли без последствий забрать ее домой из прошлого? Что надо сделать первым делом? Узнать, куда ведет генеалогическая линия Алисы Ореховой. Родилась примерно в две тысячи двадцатом году в Москве. Можно найти, вряд ли у нее много тезок такого же возраста. Таня Слободская из архива поможет. Так он думал в те минуты.

Таня действительно помогла. Оказалось, что потомки у Алисы Ореховой отсутствуют. Более того, после две тысячи сорокового года такая гражданка в архивах не значилась. Сердце Лопатина екнуло. Ее нет в будущем, в ближайшем будущем. Что это может означать? Только одно – она погибнет. Может быть, сейчас, пока он роется в архивных файлах, с Алей происходит что-то ужасное...

Но, с другой стороны, если ее нет в ее собственном времени, значит, он может нарушить основное темпоральное правило фактически без последствий. Он не смел на такое и надеяться, когда собирался к Тане в архив.

Оставалось убедить девушку бросить все и пойти с ним, поверив тем сумасшедшим бредням, которыми наверняка покажутся Але его слова.

Иван еле дождался вечера.

– Аля, я должен сказать тебе правду. Я тут гость.

– Я так и поняла. Но мне все равно, откуда ты.

– Я все же должен тебе сказать.

– Скажи.

– Я из будущего. Я прилетел к тебе на машине времени.

– Не шути так. Это не смешно.

– Это правда. Я родился через несколько сотен лет после тебя.

– Не говори так, мне не нравится эта игра.

– Я тебе докажу. Ты обязательно должна мне поверить, потому что я хочу, чтобы ты ушла вместе со мной.

– Ушла?

– Уехала, улетела, какая разница. Здесь тебе грозит опасность. Я проверял. Ты обязательно должна мне поверить.

Аля пожалала плечами и отвернулась. Он непременно должен доказать ей, что говорит правду.

– Никуда не уходи, я сейчас.

Иван оставил девушку на лавочке в парке, а сам вернулся к ларьку "Мороженое".

Что делать? Как доказать Але, что он не соврал?

Через минуту он был уже в лаборатории Института темпорологии. Лешка нетерпеливо подпрыгивал на стуле. Он живо представлял себе, что его ждет, если его авантюра раскроется. Надо кончать это дело. Но Иван словно не видел его волнения. Он стоял у окна лаборатории и задумчиво смотрел в осенний сад.

Может, принести Але записи из архива? Но их и подделать можно. А если показать ей лингвистор? Нет, не то. Она

просто не поймет, в чем дело.

Вдруг его осенило. Осень! На дворе осень, а он встретил Алю весной. Иван ринулся к выходу.

– Ваня, ты куда? – крикнул ему вслед Лешка.

Но он не оглянулся. Выскочил на улицу и кинулся поднимать желтые, красные и коричневые кленовые листья.

Через несколько минут он был в машине времени. Скорее назад, к Але.

– Алечка, я здесь, смотри, что я тебе привез из будущего.

Аля посмотрела на букет из кленовых листьев, закусила губу, помолчала немного, а потом сказала:

– Ты меня пугаешь... Но знаешь, я поеду за тобой куда угодно, даже на Альфу Центавра.

Иван обнял ее за плечи, и больше они не разговаривали.

***

Кленовые листья шуршали под ногами. В воздухе висела тонкая дождевая пыль. Почему поздняя осень пахнет грибами? Их сезон давно прошел, а запах остался. Или это запах прелых листьев? Почему-то этот запах напоминал первую встречу с Алисой, хотя встретились они весной.